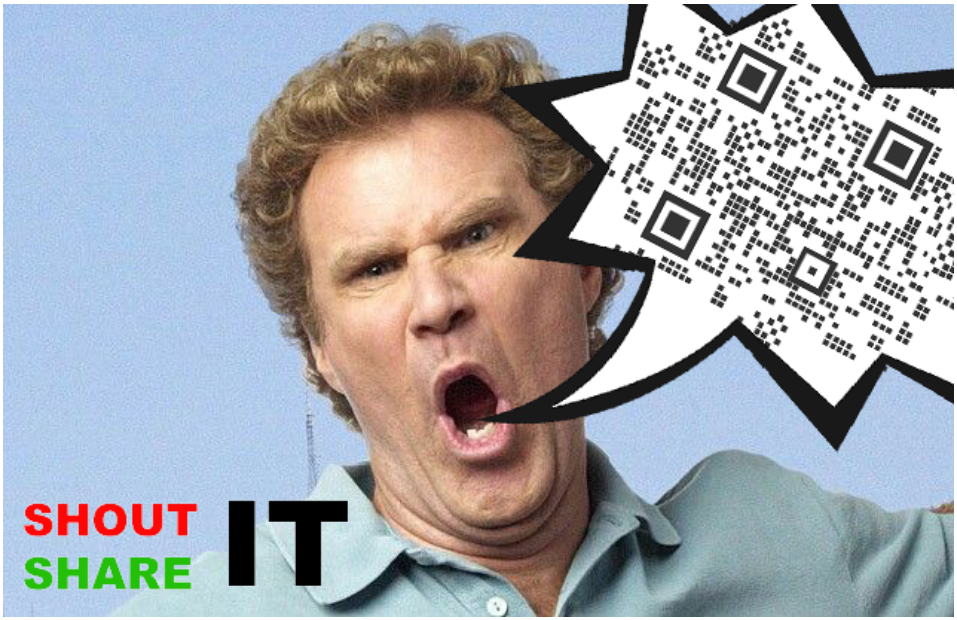
Жирный пузырь удачи

Старомодное будущее - 2

Руди Рюкер
Брюс Стерлинг


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Таг Мезолья – «окосевший от математики программист и фанат аквариумов», создает искусственных медуз для нефтепромысла. Его знакомый и компаньон – Ревел Пуллен, техасский миллиардер, племянник очень богатого нефтяного клана. И на очередную деловую встречу Пуллен привозит странное вещество, некую протоплазму, начавшую поступать в техасские скважины вместо нефти...

- Брюс Стерлинг, Рюди Рюкер
  - ○

Брюс Стерлинг, Рюди Рюкер
Жирный пузырь удачи

Орущая металлическая медуза тащила длинные невидимые щупальца по акру сухого бетона аэропорта Сан-Хосе.

Или так казалось Тагу – Тагу Мезолье, окосевшему от математики программисту и фанату аквариумов. Он работал над выведением искусственной медузы, и почти все казалось ему похожим на медузу, даже самолеты. Сейчас он стоял у выдачи багажа, встречая техасского миллиардера Ревела Пуллена.

Потребовался потоп телефонных звонков, факсов и электронной почты, чтобы выманить техасского затворника из его мерзких, пропитанных нефтью полей, но Таг заманил Ревела Пуллена на вторую личную встречу в Калифорнии. Наконец-то дело шло к тому, что новаторские хайтековские исследования Тага превратятся в полномасштабное производство. И перспектива успеха была сладка.

Впервые Таг встретился с Ревелом в Монтерее два месяца назад, на весеннем симпозиуме ГСИППВ АСМ, то есть Группы Специальных Интересов по Подземным и Подводным Вычислениям Ассоциации Счетных Машин.

На симпозиум Таг приехал с кое-как сляпанной презентацией искусственной медузы. Привез он с собой пятьсот экземпляров отпечатанной на принтере брошюры на глянцевой бумаге: «Искусственная медуза – ваш путь в постиндустриальную глобальную конкуренцию!» Но когда наступило время доклада Тага, пятнадцатитерабайтная демоверсия искусственной медузы грохнулась так отвратно, что пришлось даже перезагружать машину – дешевый индонезийский клон лэптопа «Сан», который Таг таскал с собой для презентаций. В резерве у него были слайды, но тут же, конечно, заело проектор. А хуже всего – единственный работающий прототип искусственной медузы лопнул по дороге в Монтерей. И после доклада Таг в красном тумане стыда смыл обрывки разлагающегося желе в унитаз конференц-центра.

А оттуда направился в коктейль-холл, и там трепливый молодой Пуллен его высмотрел, выпил с ним пару стаканов и даже оплатил счет – бумажник у Тага спер накануне ночью из номера пожилой красавец рассыльный.

Поскольку темой Тага была желеобразная медуза, грубый Пуллен решил, что забавно будет выпить по паре желе с текилой. Слизистая крепкая заправка вместе с громогласными шутками,

бахвальством и хвастливыми обещаниями Ревела облегчили боль позора от выступления.

На следующий день Таг и Ревел вместе позавтракали, и Ревел выписал Тагу приличный чек на предварительные расходы. Таг должен был вывести искусственную медузу, способную к подводной разведке нефти.

Писать прикладные программы – это еще ничего, но бурение нефти, на вкус Тага, было занятием аналоговым и несколько вульгарным, зато деньги – деньги имели вполне реальный вид. Единственное, что мешало иметь дело с Ревелом, – это была его одержимость какой-то новой и очень неприятной органической слизью, которая недавно запечатала старейшую из фамильных скважин. И грубоватый техасец все время снова и снова уводил разговор от медузы к этой древней подземной слизи.

Устроившись сейчас на капоте дорогой спортивной «Аниматы» с переделанным двигателем, Таг ждал Ревела. У Тага были курчавые темные волосы и розовые щеки. Одет он был в шорты, спортивную рубашку, сандалии и носки с ромбическими узорами и был похож на развращенного английского школьника. «Анимату» он купил на деньги, которые откладывал на дом, когда понял, что никогда, никогда не накопит на дом в Калифорнии. Облокотившись на ветровое стекло, Таг разглядывал садящиеся самолеты и представлял себе медузу, плывущую в небесно-голубом море.

Дома у него были полные аквариумы медуз: один – с плоскими лунообразными медузами, у каждой четыре беловатых круга половых органов, другой – с прозрачными медузами-колоколами из зарослей морской травы бухты Монтерей, большой аквариум со жгучими медузами, обладательницами длинных бахромчатых ротовых рук и похожих на плети пурпурных щупальцев со стрекательными клетками, аквариум поменьше с похожими на мухоморы пятнистыми медузами из озера Медуз в Палау, и специальный аквариум гребенчатых медуз с волочащимися реснитчатыми щупальцами, и аквариум японских зонтичных медуз, и много еще.

Рядом с арсеналом аквариумов находился большой цветной экран рабочей станции. Таг не был биологом; под очарование медуз он попал, когда работал над математическими алгоритмами для создания клеточных моделей вихревых слоев. Для математического глаза Тага медуза давала идеальное соотношение между кривизной и кручением, точно как вихревой пласт, только медуза компенсировала динамическое напряжение и осмотическое давление. Настоящая медуза была свилеватее эмуляций Тага. И Таг стал преданным адептом изучения

кишечнополостных.

Подражая природе до самых основ, он нашел способ развивать и совершенствовать свою модель вихревых пластов с помощью генетического программирования. Алгоритмы искусственных медуз, созданные Тагом, конкурировали между собой, мутировали, воспроизводились и умирали в виртуальной реальности экрана цвета морской воды. По мере улучшения алгоритмов экран рабочей станции превращался в аквариум виртуальных медуз, графического представления уравнений Тага; алгоритмы выходили на предел вычислительных мощностей компьютера и медленно пульсировали в тусклом свечении компьютерной имитации.

Живые медузы в аквариумах с настоящей морской водой задавали объективные стандарты, которых пытались достичь программы Тага. Каждый час, каждую минуту видеокамеры таращились в освещенные прожекторами аквариумы, безустанно анализируя движения медуз и передавая данные в рабочую станцию.

Последним, коронным этапом исследований Тага был его рукотворный прорыв. Теоретические уравнения стали реальными пьезопластиковыми конструкциями – мягкими, водянистыми, желеобразными роботами-медузами из реального пластика в реальном мире. Эти модели были созданы с помощью скрещенной пары лазерных лучей для спекания – то есть соединения без сплавления – желательных форм в матрице пьезопластиковых микробусин.

Спеченные микробусинки вели себя как массы клеток: каждая из них могла сжиматься или расширяться в ответ на тонкие вибрационные сигналы, и каждая микробусинка могла передавать информацию своим соседкам.

Законченная искусственная медуза оказалась гибким маленьким зонтиком, колыхавшимся медленными волнами возбуждения и торможения. Лучшая пластиковая медуза Тага могла сохранять активность до трех недель.

Следующим требованием Тага к своему созданию было «коронное приложение», как называли его гуру-программисты. И казалось, что он уже держит это приложение в руках, учитывая его последние эксперименты по приданию медузе чувствительности к химическим ароматам и сигналам. Таг убедил Ревела – и сам наполовину поверил, – что искусственных медуз можно будет снабдить чипами, подающими радиосигнал, и выпустить на морское дно. Они смогут вынюхивать выходы нефти на океанское ложе и углубляться в эти колодцы. Если так получится, то искусственные медузы совершат революцию в

подводных разработках нефти.

Единственным, с точки зрения Тага, недостатком было то, что подводное бурение есть мерзкое преступление против волшебной среды, где живут настоящие медузы. Но эти планы готовы были привлечь техасские капиталы, достаточно капиталов, чтобы продолжать исследования еще год.

А может, за этот год Таг найдет более экологически безопасное приложение и сумеет отцепиться от этого техасского психа.

Легок на помине. Ревел Пуллен прошествовал из выхода в белой робе нефтяника: фланелевая рубашка и комбинезон из чертовой кожи типа «а ну-ка, разорви». Рубашка была от Нейман-Маркуса, а комбинезон отглажен, но и та, и другой были вроде бы естественно заляпаны техасской свежей грязью.

Таг спрыгнул с капота и приподнялся на цыпочки помахать, намеренно подчеркивая женственность жеста, чтобы подергать нервы техасца. И ножку приподнял назад, как Мэрилин Монро в «Неудачниках».

Абсолютно не смутившись, Ревел Пуллен свернул в сторону Тага, косолапо шагая в башмаках змеиной кожи. Ревел был шалопай племянник в знаменитой фирме-миллиардере «Пуллен Бразерс» из Амарилло. Клан Пулленов состоял из отчаянных биржевых игроков и «зеленых шантажистов» – они скупали акции какой-нибудь компании, а затем предлагали их самой компании по заоблачной цене, угрожая в противном случае захватить над ней контроль.

Однажды они попытались загнать в угол весь мировой рынок молибдена.

Ревел, наименее предсказуемый член своего клана, отвечал за самые сомнительные инвестиции «Пуллен Бразерс»: становящиеся убыточными нефтяные скважины, которые когда-то привели семью Пуллен к процветанию – начиная со знаменитой скважины Дитери Гашер, пробуренной еще в 1892 году возле Спиндлтопа в Техасе.

Пунктиком Ревела было честолюбивое желание стать магнатом в хайтек-промышленности. Вот почему он посещал компьютерные семинары вроде ГСИППВ, вопреки исключительному своему невежеству во всем, что касалось движения байтов и пикселей.

Ревел был готов сунуть большие деньги в любую сексуально привлекательную дыру технических начинаний Силиконовой долины. Особенно если такое начинание обещало чем-то помочь коллапсирующему нефтяному бизнесу семьи и (что по-прежнему ставило Тага в тупик) найти применение некоей странной

прозрачной жидкости, которую буровики Ревела стали недавно выкачивать из скважины Дитери.

– Привет, ну и жара! – протянул Ревел, перекидывая полиэфирно-джинсовую сумку с плеча на плечо. Плечи были узкие. – Ты молодец, что меня встретил, Таг.

Таг, расплываясь в улыбке, высвободил пальцы из настойчивого пожатия Ревела и показал на свою «Анимату»;

– Ну, Ревел? Готов начинать бизнес? Я решил, что мы должны назвать его «Ктенофора инкорпорейтед». Ктенофора – это такая гермафродитная медуза, у которой гребнеобразные пищевые органы фильтруют океанские воды, ее еще называют «гребешковая медуза». Как ты думаешь, пойдет такое имя нашей компании? Гребем доллары из мощного моря экономики!

– Не так громко! – напомнил Ревел, оглядываясь вокруг пародийным жестом уличного мошенника. – Как знает всякий уважающий себя промышленный шпион, я сюда приехал в отпуск.

Он закинул сумку на заднее сиденье, потом выпрямился и полез в глубокий карман своих мешковатых непробиваемых штанов.

Оттуда техасец вытащил аптечный флакон, наполненный прозрачным вязким желе, и сунул согретый в паху пузырек в неохотную ладонь Тага с настойчивостью торговца наркотиками:

– Я хочу, чтобы ты это держал у себя, Таг. Просто на всякий случай, знаешь, если со мной что-нибудь случится.

Ревел завертел маленькой головой, параноидально оглядываясь, и Таг вспомнил, когда последний раз был в аэропорту Сан-Хосе: встречал отца, впавшего в такой маразм, что задницу вытирал пальцами, а пальцы – об стены. Дядя Тага погрузил брата в самолет и отправил племяннику, как багаж. Таг его засунул в местный дом престарелых, и там папаша помер этим летом.

Жизнь полна печали, и Таг давал ей ускользнуть сквозь пальцы. Он гей, которого никто не любит и которому никогда не будет опять тридцать лет, и вот сейчас приходится ублажать денежного психа из Техаса. Ублажать Таг не слишком хорошо умел.

– У тебя действительно есть враги? – спросил Таг. – Или ты просто так думаешь? А я должен думать, что у тебя они есть? И волноваться по этому поводу?

– В этом нашем плане есть деньги – настоящие хрустики, – мрачно похвастался Ревел, забираясь на пассажирское сиденье. Он помолчал, ожидая, чтобы Таг взялся за руль и закрыл дверцу водителя. – А волноваться нам надо только об одном, – продолжал он, когда Таг наконец сел, – чтобы не просочилось

наружу. Экология, блин. Ты никому не говорил, что я тебе писал?

– Нет, конечно! – отрезал Таг. – Тот дешевый открытый ключ, которым ты шифруешь, половину твоих сообщений перепахал. И вообще, чего ты так волнуешься? Кому какое дело до слизи из выработанной нефтяной скважины, хоть ты ее и называешь Уршляйм. Это по-немецки, что ли?

– Тс-с-с! – прошипел Ревел.

Таг включил мотор и прогазовал, пустив голубоватое облако выхлопных газов. Автомобиль качнулся, поехал и влился в бесконечный калифорнийский поток машин.

Ревел несколько раз оглянулся, удостоверяясь, что за ними нет слежки.

– Да, я ее назвал Уршляйм, – наконец сказал он напыщенно. – Я даже запатентовал это имя как товарный знак.

Старые немецкие профессора чего-то стоили. Ур – означает «первичная», шляйм – «слизь». Вся жизнь произошла из Уршляйма, исходной слизи! Первичная слизь из внутренних глубин планеты! Тебе когда-нибудь случалось раскусить зеленый миндаль, Таг? Прямо с дерева? Там сначала зеленый пух, тоненькая оболочка, а внутри – прозрачная густая слизь. Вот точно так устроена и наша планета.

Почти весь Уршляйм еще течет в самой глубине и выступает оттуда. Он только ждет, пока его выкачает какой-нибудь умный мальчик и использует его коммерческий потенциал. Уршляйм – это сама жизнь.

– Просто грандиозно, – будничным голосом отозвался Таг.

– Грандиозно! – передразнил Ревел. – Дружище, это единственное спасение техасского нефтяного бизнеса! Черт побери, если мы, техасцы, бросим бурить нефть, придется нам торговать вразнос чипами и софтом, как этим нытикам-слабакам с Тихоокеанского побережья! И ты меня не знаешь, если думаешь, что я сдам нефтяной бизнес без боя!

– Да ладно, ладно, я же не спорю, – примирительно произнес Таг. – Не забудь, мои медузы тебе помогут искать нефть.

Всегда было заметно, когда Ревел входил в нелинейный режим – его техасский акцент становился сильнее, и свой любимый нефтяной бизнес он начинал называть «нафтяной». Но что это за история с Уршляймом?

Таг одной рукой поднял пузырек с прозрачной жидкостью и стал разглядывать, не отрывая второй от руля. Вещество было тиксотропным – то есть гель при встряхивании превращался в жидкость. Можно было перевернуть пузырек, и Уршляйм оставался в верхнем конце, но если чуть встряхнуть, состояние слизи менялось, и она перетекала в другой конец, как внезапно

хлынувший из бутылки кетчуп. Однородный, прозрачный кетчуп. Сопли.

– Скважина Дитери прямо сейчас выдает Уршляйм! – сообщил Ревел, надевая на веснушчатый нос итальянские очки от солнца. Все равно выглядел он не старше двадцати пяти лет. – У меня в сумке баллон с ним на три галлона.

Один из моих буровиков говорит, что это новый вид нефти глубокого залегания, а другой утверждает, что это просто вода, зараженная бактериями. Но я лично согласен со старым герром доктором, профессором фон Штоффманом. Мы попали на клеточную жидкость самой матери-земли: недифференцированная живая ткань, Таг, первичная слизь.

Уршляйм!

– И что вы сделали, чтобы она пошла наверх? – спросил Таг, стараясь сдержать смех.

Ревел закинул голову назад и провозгласил:

– Слушай, если ОПЕК хоть краем уха услышит про нашу новую технологию... Ты думаешь, у меня нет врагов, парень? А шейхи? – Ревел постучал костяшками пальцев по боковому стеклу. – Да и Дядя Сэм на нас навалится, если узнает, что мы модифицируем гены и засеваем выработанные нефтяные ложа измененными бактериями! Они проедают смолу и парафин, меняют вязкость нефти, открывают поры в камне и насыщают все метаном... Старуха Дитери уже никогда бы не выбила клапан и не зафонтанировала, но мы ее зарядили новым, экстраактивным штаммом. И что пошло фонтаном? Уршляйм?

Ревел поглядел на Тага поверх модельных очков и решил, что собеседник достоин доверия.

– Таг, но это еще только полдела. Ты подожди, я тебе еще расскажу, что мы с этой штукой стали делать, когда добыли.

Тагу уже надоело. Пустой треп этого болтуна никак не поможет Тагу продавать медуз.

– А что ты думаешь о той искусственной медузе, что я тебе послал?

Ревел нахмурился:

– Ну, поначалу она выглядела ничего себе. Размером со сдутый футбольный мяч. Я ее пустил к себе в бассейн, она там плавала, вроде как подергивалась и пульсировала примерно дня два. Ты вроде говорил, что эта штука должна жить неделями? Сорок восемь часов – и ее не стало. Растворилась, я думаю. Хлор пластик разъел или что-то вроде этого.

– Быть не может, – твердо возразил Таг. – Наверняка уплыла в щель у тебя в бассейне. Эта модель не могла продержаться меньше трех недель! Мой лучший прототип. Хемотаксическая

искусственная медуза, построенная для входа в подводные скважины и поиска пути к нефтяным ложам внизу.

– Бассейн у меня не в лучшем состоянии, – великодушно согласился Ревел. – Так что действительно твоя медуза могла пролезть в щель – и пока. Но если это твое приложение поиска нефти хоть сколько-нибудь работает, она должна была бы вернуться с какими-то полезными геологическими данными. А она не вернулась. Так что глянув правде в глаза, Таг: растворилась эта штука.

Таг не собирался сдаваться:

– Моя медуза не послала наверх информации, потому что я не вложил в нее чип трассера. И если уж ты решил так грубо говорить, то я тебе могу сказать, что не считаю поиск нефти таким уж почтенным применением. Если честно, то уж лучше бы водный департамент Калифорнии использовал моих медуз для поиска течи в ирригационных каналах и канализации.

Ревел зевнул, глубже уходя в пассажирское сиденье.

– Очень гражданственно с вашей стороны, доктор Мезолья. А для меня вся вода Калифорнии десяти центов не стоит.

Таг гнул свое:

– Или чтобы мои медузы исследовали загрязненные колодцы здесь, в Силиконовой долине. Если пустить искусственную медузу в колодец и дать ей пульсировать вниз неделю-другую, она отфильтрует даже следовые загрязнения! Отличный пиаровский ход – выставить напоказ антиполлюционный аспект работы. Вспомни историю своей семьи – неплохо было бы выглядеть хорошо в глазах ребят из Защиты Окружающей Среды. Если подать правильно, можно даже получить федеральный грант на разработку.

– Не знаю, омбре, – буркнул Ревел. – Как-то это неспортивно – вынимать деньги из федералов... – Он мрачно смотрел на роскошную экзотику за окном, толстые укутанные юкки и апельсиновые деревья. – Да, здесь у вас все зелено.

– Да, – равнодушно бросил Таг, – слава богу, перерыв в засухе. В Калифорнии очень пригодились бы медузы, умеющие искать утечку воды.

– Вода здесь ни при чем, – возразил Ревел. – Важен углекислый газ. Два миллиона лет копившаяся нефть вся сгорела до углекислого газа и вылетела в атмосферу меньше чем за сто лет. Растительная жизнь просто обезумела.

Ты посмотри – вся эта растительность вдоль дороги выросла из автомобильных выхлопов! Подумать только.

По выражению радости на лице Ревела видно было, что ему эта мысль весьма приятна.

– Дело в том, что если проследить историю углерода в этих дурацких деревьях... он же всего сотню лет назад лежал на глубине нескольких миль в первобытных кишках Земли! А так как мы, чтобы жить, едим растения, то же самое верно и про людей! Наше мясо, мозг и кровь построены из сгоревшей сырой нефти! Таг, мы все – создания Уршляйма. Вся жизнь произошла из первичной слизи.

– Ерунда! – горячо возразил Таг, съезжая на дорогу в Лос-Перрос, тот анклав массива Силиконовой долины, где жил он сам. – Один атом углерода ничем от другого не отличается. И если мы говорим об искусственной жизни, то даже не нужен «атом». Это может быть байт информации, микробусина пьезопластика. Не важно, откуда взялся материал – важно, как он себя ведет.

– Вот тут мы с тобой и расходимся, друг. – Машина ехала по главному шоссе Лос-Перрос, и Ревел глазел на вызывающе одетых женщин. – Врубись, Таг: благодаря нефти куча атомов углерода в этом твоем яппи-поселке пришла из Техаса. Хочешь не хочешь, а большая часть современной жизни – в основе своей техасская.

– Довольно мерзкая новость, Ревел, – улыбнулся Таг.

Он с визгом шин прошел последний поворот, въехал на дорожку и остановился возле гниющего и пораженного грибком крыльца пригородного дома, который снимал за абсурдно высокую цену. Арендная плата его просто убивала. С тех пор как любовник бросил его на прошлое Рождество, Таг все собирался переехать в дом поменьше, но почему-то в глубине души жила надежда, что, если оставить дом за собой, придет к нему симпатичный сильный мужчина и поселится вместе с ним.

В соседнем доме богатая самоанская семья перекидывалась водяными мячами и ревела от смеха. Шипели на барбекю ароматные куски соевого мяса. В доме самоанцев жил большой зеленый попугай по кличке Тоатоа. В ясные дни вроде сегодняшнего Тоатоа вопил на крыше дома. У него был большой желтый клюв и пристрастие к хрящам каракатиц и тыквенным семечкам.

– Классно, – одобрил Ревел, оглядывая потрескавшиеся от землетрясений стены и облупившийся потолок. – Я боялся, что непросто будет найти место для экспериментов. Но раз ты снимаешь эту помойку под мастерскую, проблем не будет.

– Я здесь живу, – с достоинством ответил Таг. – По стандартам Калифорнии это очень хороший дом.

– Тогда неудивительно, что ты хочешь основать компанию! – Ревел поднялся по ступенькам на крыльцо и вытащил из сумки баллон высокого давления длиной в ярд. – Есть у тебя садовый

шланг? И воронка?

Таг принес кусок шланга, предусмотрительно выбрав обгоревший в нескольких местах при последних травяных пожарах на холме. Ревел достал щегольской карманный нож из своих неразрываемых штанов и отрезал от шланга три фута. Потом он ловко приделал к концу шланга жестяную воронку и затрубил в нее.

Потом Ревел отбросил этот импровизированный горн в сторону и взялся за цилиндр:

– Лохань у тебя найдется?

– Без проблем.

Таг вошел в дом и вынес большой пластиковый кулер для пикников.

Ревел открыл краник баллона и стал выливать его содержимое в кулер. Черный кончик медленно эякулировал густым прозрачным гелем, как силиконовой замазкой. Пинта за пинтой гель стекал в белую зернистую внутренность кулера с верхней крышкой. От вещества шла сернистая вонь горелой резины, которая у Тага ассоциировалась с Гавайями – по необходимости коротким пребыванием на огнедышащих склонах Килауа.

Таг из предусмотрительности отошел в сторону и встал с наветренной стороны от кулера.

– Насколько глубоко пришлось добывать этот образец?

– Глубоко? – захохотал Ревел. – Док, эта штука прорвала предохранительные клапаны на старухе Дитери и расплескала буровой раствор на пять ближайших графств. Получился старый добрый фонтан. А оно все перло, заливая почву, этак, знаешь, спазматически. Кончилось тем, что образовалось озеро выше крыш грузовиков.

– Господи, а что дальше было? – спросил Таг.

– Что-то испарилось, что-то впиталось в подпочвенные слои. Исчезло. Первый образец, который я взял, был из чьей-то «тойоты». Хорошо еще, что задний борт у нее был поднят, иначе все бы вытекло.

Ревел вытащил носовой платок, смахнул пот со лба, но говорить не перестал:

– Конечно, когда мы починили буровую, тогда начали качать всерьез. У нас, Пулленов, есть хранилище в Накогдочесе, пара футбольных полей с резервуарами. Не использовалось со времен эмбарго ОПЕК в семидесятых, и резервуары забросили. Но сейчас каждый из них помечен товарным знаком «Уршляйм» Ревела Пуллена.

Он глянул на солнце чуть диковатыми глазами и снова вытер

лоб.

– У тебя в этой помойке пиво есть?

– Найдется, Ревел.

Таг пошел на кухню и вынес на крыльцо две бутылки «Этна эль».

Ревел жадно выпил, потом показал на свой импровизированный духовой инструмент:

– Если эта штука не будет работать, ты подумаешь, что у меня крыша съехала. – Сдвинув итальянские очки на макушку узкой и коротко стриженой головы, он ухмыльнулся. – Но если она будет работать, старик, тогда ты подумаешь, что крыша съехала у тебя.

Ревел макнул края воронки в неподвижную, но ароматную массу. Повертел ее, осторожно поднял и дунул.

Длинный ромбовидный пузырь появился на конце горна.

– Вот это да, наливается, как воздушный шар! – сказал пораженный Таг. – Ничего себе вязкость!

Ревел усмехнулся шире, держа предмет на расстоянии вытянутой руки:

– Дальше еще интереснее.

Таг Мезолья в удивлении смотрел, как прозрачный пузырь Уршляйма медленно стал покрываться рябью и ямочками. Длинная двойная морщина залегла в тугой внешней мембране желатиновой сферы, окружила ее, как шов на огромном бейсбольном мяче.

Потом пузырь с плюхающим звуком отделился от жестяных краев горна и стал плавать в воздухе. Вдоль шва появился ряд ресничек, и плавающее в воздухе желе стало шевелить ими, продвигаясь вперед.

– Уршляйм! – завопил Ревел.

– Господи Иисусе! – ахнул Таг, не в силах отвести глаз.

Воздушное желе все еще менялось у него на глазах, выращивая набор внутренних мембран, коробясь, пульсируя и покрываясь рябью, выбирая себе более точную форму, как будто компьютерная графическая программа вырисовывает лучистый образ в изящное изображение реальности.

Потом пузырь подхватило потоком воздуха. Он тяжело стукнулся в карниз дома, отпрыгнул и поплыл над крышей в небо.

– Едва могу поверить, – сказал Таг, все еще глядя вверх. – Спонтанное нарушение симметрии! Самозапускающаяся система реакции и диффузии! Эта твоя слизь – потрясающая среда с развивающимся поведением. Ревел!

И эта спонтанная фрактализация структур… ты можешь это повторить?

– Сколько захочешь раз, – ответил Ревел. – С тем количеством Уршляйма, что у нас есть. Правда, если делать это в помещении, то малость пахнет.

– Но это потрясающе странно, – выдохнул Таг. – Эта слизь из твоей нефтяной скважины создает из себя медузоподобные формы – совсем как я строю медузы из пластика.

– Я думаю, здесь какой-то морфологический резонанс, – кивнул Ревел. – Эта первичная слизь так давно была заключена в земле, что ей не терпится превратиться во что-то живое и органическое. Вроде тех жуть до чего странных бактерий и червей, что вырастают в глубоких подводных выходах.

– То есть вокруг подводных выходов, Ревел?

– Нет, Таг, прямо в них. Вот это до большинства людей не доходит.

– Ладно, бог с ним. Дай-ка я тоже попробую выдуть медузу из Уршляйма.

Таг сунул край воронки в кулер и выдул шарик из Уршляйма сам. Сфера стала рябить изнутри, как и прежняя, с теми же ямочками и точно такой же вычурной двойной морщиной. У Тага вдруг возникло ощущение deja vu. Да, он эту форму видел на экране своего компьютера.

Пузырь стал уплывать прочь, но экономный Ревел бросился вперед и полоснул складным ножиком несколько раз, пока пузырь не лопнул прозрачными соплями, заляпав Тагу руки и ноги. Магический гель покалывал кожу. Таг опасливо подумал, не попала бы слизь в кровяное русло. Ревел отскреб то, что попало на доски крыльца, и сложил обратно в кулер.

– И что ты думаешь? – спросил Ревел.

– Я потрясен, – ответил Таг, покачивая головой. – Твои медузы из Уршляйма так похожи на те, что я строил у себя в лаборатории... Давай зайдем. Я тебе покажу моих медуз, и обдумаем это дело.

Ревел настоял, чтобы кулер с Уршляймом внесли в дом вместе с пустым баллоном. Он даже заставил Тага накрыть кулер и баллон одеялом – «на случай, если кто-нибудь придет».

Аквариумы Тага с медузами заполняли всю комнату, создавая величественное, зеленое, булькающее зрелище. Аквариумная была в начале восьмидесятых видеоигровой комнатой, когда строитель дома, создатель компьютерных стрелялок, укрепил пол и установил две дюжины массивных аркадных консолей. Это тоже пригодилось, поскольку аквариумы Тага создавали серьезную конструкционную нагрузку и намного превышали по весу остальное имущество владельца – кроме разве что кровати с водяным матрацем, оставленную бывшим любовником.

Аквариумы Таг покупал сам на распродаже конфиската одного наркоторговца из Окленда, который в них держал косяки пираний.

Ревел молча брел по рядам аквариумов с медузами. Подсвеченные зеленоватым сиянием прожекторов, списанных одной развалившейся хеви метал группой, медузы представали во всей красе. Задняя подсветка открывала все их тайны, скрытые внутренние закругления с немигающей, можно сказать, порнографической ясностью.

Подводные следящие элементы и корм для медуз фирмы «Пурина» стоили больше еженедельного бакалейного счета самого Тага, но питание медуз значило для него больше собственной еды, здоровья, денег, даже любви. Долгие тайные часы проводил он перед плавно вращающимися реснитчатыми дивами, глядя, как вылавливают они креветок с бездумным, рефлекторным изяществом, как поглощает свою пищу в молчаливом экстазе ядовитая слизь. Живая, переваривающая слизь, тайной алхимией биологии превращенная в пульсирующую стеклянистую плоть.

Бывший любовник Тага сильно потешался над его одержимостью этим гелем, особенно если учесть его другие жалобы на многочисленные иные недостатки Тага, но сам Таг считал, что любовник сбежал от глубокого чувства соперничества, а не просто от неприятной ему органики. Перед приездом Ревела Тагу стоило немалых трудов и чистящих средств стереть со стекол отпечатки собственного носа.

– Можешь отличить настоящих от тех, что я создал с нуля? – торжествующе спросил Таг.

– Я пас, – честно признался Ревел. – Отличное шоу, Таг. И если ты сможешь научить этих тварей каким-нибудь фокусам, тогда у нас неплохой будет бизнес.

Джинсовая грудь Ревела зазвенела. Он полез за пазуху комбинезона, вытащил сотовый телефон размером с пачку сигарет и включил.

– Пуллен слушает! Что? Да. Да, конечно. О'кей, до встречи.

Он захлопнул телефон и убрал его.

– Посетитель, – объявил он. – Я нанял бизнес-консультанта.

Таг нахмурился.

– Вообще-то это мой дядя придумал, – пожал плечами Ревел. – Обычная у Пулленов процедура перед тем, как по-настоящему вложить деньги в новое дело. У нас лучшие консультанты по всему компьютерному бизнесу.

– Да? А кто?

– Фирма «Эдна Сидни». Она футуролог, пишет колоссальные

статьи по высоким финансовым технологиям, и ребята в костюмах-тройках к ней очень прислушиваются.

– Какая-то незнакомая женщина заявится сюда и будет решать, стоит ли финансирования моя «Ктенофора»? – Голос Тага задрожал напряженно. – Мне это не нравится, Ревел.

– Ты просто держись так, будто знаешь, что делаешь, и она выдаст моему дяде Донни Рею справку о здоровье на нас обоих. Это просто формальность. – Ревел деланно засмеялся. – Мой дядя любит осторожничать. Из тех мужиков, что к ремню обязательно наденут еще и подтяжки. У него полно частных детективов на жалованье. Вообще-то старик просто старается, чтобы я не влип. Так что ты не волнуйся, Таг.

Снова зазвонил телефон, на этот раз из кармана на заду.

– Пуллен слушает! Что? Да, я знаю, что его дом не слишком хорошо выглядит, но адрес правильный. Да, сейчас мы вам откроем. – Ревел сунул телефон в карман и повернулся к Тагу. – Пойди открой дверь, а я еще раз проверю, что нашего кулера с Уршляймом не видно.

Почти тут же зазвонил дверной звонок. Таг открыл женщине в синих джинсах, кроссовках и бесформенном джерсовом свитере. Она засовывала сотовый телефон в нейлоновую сумочку.

– Здравствуйте, вы доктор Мезолья?

– Да, я Таг Мезолья.

– Эдна Сидни, фирма «Эдна Сидни и партнеры».

Таг пожал грациозную руку Эдны с синеватыми костяшками пальцев. У Эдны был острый подбородок, выпирающий большой лоб и выражение необычайного, почти сверхъестественного интеллекта в темных пуговках глаз.

Поверх чуть тронутых сединой каштановых волос сидела аккуратная шапочка. Как будто электронный эльф выпрыгнул целиком из мозга Томаса Эдисона.

Пока она здоровалась с Ревелом, Таг вытащил из бумажника визитную карточку и всунул ей в руку. Эдна Сидни отпарировала карточкой из своей сумки, с адресами в Вашингтоне, Праге и Чикаго.

– Не хотите выпить? – бормотал Таг. – Таблетку? Водички ананасно-манговой?

Эдна Сидни попросила джолт-колу, потом аккуратно направила обоих мужчин в медузную. Таг пустился в пространные объяснения, размахивая руками, а она внимательно слушала.

А Тага подхватило вдохновение. Слова перли из него, как Уршляйм из бака. Никогда раньше ему не попадался человек, который мог бы понять его быстрый-быстрый лепет на техническом жаргоне. Но Эдна Сидни не только понимала его

сбивчивую речь, но иногда притопывала ножкой и один раз вежливо подавила зевок.

– Несколько видов искусственной жизни мне приходилось встречать, – признала Эдна, когда поток вербальной эктоплазмы Тага стал иссякать. – Всех тех ребят из Санта-Фе я знала до того, как они обрушили фьючерсную биржу и попали в Ливенвортскую тюрьму. И я бы не советовала выходить на программный рынок с новыми генетическими алгоритмами. Вас же не прельщает судьба Билла Гейтса?

Ревел фыркнул:

– Гейтса? Да я такого бы злейшему врагу не пожелал.

Подумать только, этого задохлика сравнивали с Рокфеллером! Рокфеллер, черт побери, был нефтяником, целая семья была Рокфеллеров. Да будь Гейтс того же класса, сейчас бы по всем штатам было полно детишек по имени Гейтс.

– Я не собираюсь выпускать на рынок алгоритмы, – сказал Таг консультанту. – Это будет коммерческая тайна, а продавать я собираюсь самих медуз-симулякров. «Ктенофора инк.» – это производственное, главным образом, предприятие.

– А угроза обратного инжиниринга? – спросила Эдна. – Если кто-то по медузам восстановит ваши алгоритмы?

– У нас фора в восемнадцать месяцев, – хвастливо заявил Ревел. – В таких делах она стоит восемнадцати лет в иной области! К тому же у нас будут ингредиенты, которые чертовски тяжело будет скопировать.

– В области создания искусственных медуз мало было, так сказать, непрерывных исследований, – поддержал Таг. – У нас будет колоссальное преимущество в опытно-конструкторских работах.

Эдна поджала губы:

– Так, этот вопрос подводит нас к маркетингу. Как вы собираетесь распространять и рекламировать свои изделия?

– Насчет рекламы мы обратимся к «КОМДЕКС», «Искусственной жизни», «Биоярмарке», «МОНДО-3000», – заверил ее Ревел. – И вот что еще: мы сможем поставлять медуз по пулленовским нефтепроводам в любую точку Северной Америки без затрат! Вот что значит простота распространения и правильное использование готовой инфраструктуры!

Получить наших медуз будет так же просто, как загрузить программу из Интернета!

– Звучит действительно новаторски, – согласилась Эдна. – Так, теперь давайте к сути дела: какое будет коронное применение этих робомедуз?

Таг и Ревел переглянулись.

– Наше конкретное применение весьма конфиденциально, – опасливо произнес Таг.

– Может, ты нам предложишь парочку применений, Эдна? – спросил Ревел, складывая руки на груди своего непробиваемого комбинезона. – Давай отрабатывай свои двадцать тысяч баксов в час.

– Гм-м, – сказала Эдна. Лоб ее нахмурился, она села на подлокотник кресла возле экрана, глаза ее устремились вдаль. – Медуза. Промышленная медуза...

На глубоко задумавшемся лице Эдны Сидни играл зеленоватый переливающийся свет аквариумов. Медузы продолжали свои молчаливые, вечные пульсации, волны мышечных сокращений гуляли по их телам от центра к краю колокола.

– Применение в домашнем хозяйстве, – сказала Эдна через минуту. – Заполнить их щелоком и смывкой и запускать в раковины и трубы. Пусть устраняют засоры.

– Минутку, – с готовностью отозвался Таг, схватил механический карандаш и стал что-то черкать на обороте неоплаченного счета.

– Усилить ферментацию в канализационных отстойниках, зарядив медуз бактериями разложения и запустив в отстойники. В городскую канализацию их можно посылать тысячами.

– Отвратительно, – сказал Таг.

– Микрохирургия закупоренных артерий. Медленно пульсируя, убирать бляшки, а в желудочковых клапанах пусть они разрушаются, чтобы не было сердечного приступа.

– Понадобится одобрение Главного хирурга США, – предупредил Ревел. – На это годы могут уйти.

– Использование для скота вы сможете сделать через полтора года, – сказала Эдна. – Так было с рекомбинантной ДНК.

– Отставить, – возразил Ревел. – Все знают, что в торговле скотом у Пулленов приличный пай.

– Если сможете сделать «португальского солдата» или какой-нибудь другой токсически опасный гель, – предложила Эдна, – то несколько тысяч медуз запускаются вблизи пляжей Хилтона или Пуэрто. Когда туристический бизнес рухнет, выкупаете всю недвижимость вдоль берега, и это действительно будет куш. – Она помолчала. – Конечно, это будет незаконно.

– Верно, – кивнул Таг, черкая карандашом. – Хотя мои пластиковые медузы не жалят. Думаю, мы сможем встроить в них мешочки с токсинами.

– К тому же это будет неэтично. И неправильно.

– Да, да, мы поняли, – успокоил ее Ревел. – Еще что-нибудь?

– Эти медузы размножаются? – спросила она.

– Нет, – ответил Таг. – То есть не сами по себе. Не размножаются и не едят. Но я могу их сделать сколько угодно по любой спецификации.

– Так что они не по-настоящему живые? Они не развиваются? Это не искусственная жизнь третьего типа?

– Алгоритм их поведения я разработал в компьютерных имитациях, но сами по себе они – стерильные роботы с лучшими моими встроенными алгоритмами, – быстро залопотал Таг. – Это медузы-андроиды, выполняющие мои программы. То есть не андроиды, а колентероиды – подобные кишечнополостным.

– Что ж, это даже неплохо, что они не размножаются, – целомудренно произнесла Эдна. – Какого размера они могут быть?

– Ну, сейчас – не больше баскетбольного мяча. Лазеры, которыми я их спекаю, имеют ограниченную мощность. – Таг не стал упоминать, что лазеры одолжил без спросу в лаборатории университета Сан-Хосе – приятель посодействовал. – В принципе их можно делать очень большими.

– То есть сейчас они слишком маленькие, чтобы в них жить, – задумчиво заключила Эдна.

Ревел улыбнулся:

– В них жить? Ну у тебя и фантазия, Эдна.

– За это мне платят, – ответила она строго, посмотрела на экран компьютера Тага с сочным цветом фона, переливающимся от небесной синевы до морской зелени, где стайка жгучих медуз бодро прокладывала себе путь в виртуальном пространстве. – Какие генетические операции у тебя используются для выработки алгоритма?

– Обычные Холландовские. Пропорциональное размножение, скрещивание, мутация и инверсия.

– Чикагская группа по искусственной жизни на той неделе нашла новую схемосенситивную операцию, – сказала Эдна. – Предварительные испытания показывают сорокапроцентное ускорение поиска устойчивых образцов.

– Ух ты! Мне это было бы очень кстати, – сказал Таг. – Хотел бы я иметь эту операцию.

Эдна нацарапала адрес файла и сайта на визитной карточке Тага и отдала ему, а потом глянула на свои наручные часики.

– Дядя Ревела оплатил мне полный час работы плюс дорога. Раскошелитесь на новый задаток или будем заканчивать?

– Гм, спасибо большое, – скромно сказал Ревел, – но вряд ли мы наскребем на задаток.

Эдна медленно кивнула, потом приложила палец к острому

подбородку.

– Мне только что пришло в голову использовать ваших медуз в плавательных бассейнах отелей. Если они не жалят, то с ними можно играть, как с пляжными мячиками, они будут фильтровать воду, убирать полипы и искать трещины. Бассейны в отелях Калифорнии я просто терпеть не могу. Всегда там вокруг сидят заморенные диетой крашеные блондинки и пьют «Маргариту» из химикалий с непроизносимыми названиями. Не стоит ли нам поговорить еще?

– Если тебе не нравится твой бассейн, можешь макнуться в какой-нибудь из аквариумов Тага, – ответил Ревел, глядя на собственные часы.

– Да ты что, Ревел! – поспешно возразил Таг. – Получишь хороший удар от жгучей медузы, и сердце остановится.

– А есть у вас лицензия на эти ядовитые создания? – холодно спросила Эдна.

Таг, изображая смущение, покрутил локон на лбу.

– Знаете ли, мисс Сидни, любительское медузоводство – в этой области очень слабо разработаны правила.

Эдна резко встала и подняла сумочку.

– Время наше кончается, так что давайте сухой остаток, – сказала она. – Такого психованного плана я еще в жизни не видела. Но я позвоню дяде Ревела и дам добро, как только попаду в воздушное пространство Иллинойса.

Рисковые чудаки вроде вас и делают эту отрасль великой, а семья Пуллен вполне может себе позволить вас поддержать. Я за вас болею, ребята. И если вам когда-нибудь понадобится по дешевке программист из Казахстана, киньте мне мэйл.

– Спасибо, Эдна, – ответил Ревел.

– Да, – поддержал Таг. – Спасибо за все удачные идеи.

Он проводил ее до дверей.

– Она не слишком нас ободрила, – сказал он, когда она вышла. – А идеи у нее дурацкие по сравнению с нашими. Набивать моих медуз щелоком? Совать в канализационные отстойники и артерии коров? Заряжать ядом, чтобы они жалили семейства отдыхающих? – Он откинул голову назад и заходил по комнате, пародируя Эдну визгливым фальцетом: – Это не искусственная жизнь третьего типа? О боже мой, как я ненавижу этих отощавших блондинок!

– Послушай, Таг, если эта Эдна несколько, так сказать, недоошеломлена, то это потому, что я ей не все сказал! – заговорил Ревел. – Секрет фирмы – это секрет фирмы, а она посторонняя. У этой девчонки мозгов хватит на десятерых, но даже Эдна Сидни не удержится от некоторых намеков в этих

своих газетках...

Ревел присвистнул, радуясь собственной гениальности.

У Тага вдруг глаза полезли на лоб в катастрофическом понимании.

– Понял, Ревел! Я все понял! Ты когда увидел эту летающую слизь Уршляйм – до того, как запустил мою медузу в бассейн, или после?

– После, земляк. Выдувать пузыри Уршляйма я только на той неделе додумался – был пьян и хотел посмешить одну бабенку. А этого тающего недоноска-медузу ты мне прислал полных шесть недель назад.

– Этот «тающий недоносок-медуза» нашел выход через щель в твоем бассейне и дальше по сланцевому ложу в скважину Дитери! – возбужденно воскликнул Таг. – Вот оно, Ревел! Мои уравнения попали прямо в твою слизь!

– Твои программы – в моей первичной слизи? – медленно повторил Ревел. – И как это могло случиться?

– Математика порождает оптимальную форму, Ревел! – не остывал Таг. – Вот почему она проникает всюду. Но иногда нужно порождающее уравнение, семя. Вот если вода остывает, ей хочется замерзнуть, и замерзает она в форме математической решетки. Но если у тебя есть даже очень холодная вода в гладком сосуде, она может не знать, как ей застыть – пока в нее не попадет, например, снежинка. Короче говоря, математические формации моих спеченных медуз представляют собой низкоэнергетическую фазу пространственной конфигурации, которая стабильно аттрактивна для динамики Уршляйма.

– Слишком для меня простые слова, – сказал Ревел. – Давай проверим, прав ли ты. Что, если бросить твою медузу в кулер с моей слизью?

– Отличная мысль, – похвалил Таг.

Ему приятно было видеть, как Ревел всей душой отдается научному методу. И они направились к аквариумам.

Таг приставил лестницу с ярко-красными наклейками, предупреждающими о судебном преследовании за незаконное использование, и длинным аквариумным сачком достал свою лучшую искусственную медузу – всю в сиреневых полосах, пьезопластиковую жгучую медузу, которую он сегодня только изготовил, самодельную Chrysaora quinquecirrha.

Ревел вместе с Тагом вышли в гостиную с игриво пульсирующей на тонком плетении сачка медузой.

– Отойди-ка, – предупредил Таг и плюхнул медузу в четырехдюймовый слой Уршляйма, оставшийся в кулере.

Слизь возмущенно рванулась вверх от прикосновения

маленькой искусственной медузы. Снова Ревел вдул в вязкую массу малость горячего техасского воздуха, только на этот раз масса поднялась вся, все пять литров, образовав плавающую в воздухе жгучую медузу размером с большую собаку.

Ревел заорал. Уршляйм поплыл по комнате, и белые ротовые руки колыхались, как шлейф невесты.

– Ух ты! Вот это да! – вопил Ревел. – Эта совсем не такая, как Уршляйм раньше выдавал. Такое люди будут покупать просто ради потехи! Эдна права. Это будет колоссальная игрушка для бассейна или, черт побери, простая наземная игрушка, если она не будет улетать.

– Игрушка? – спросил Таг. – Думаешь, мы должны начать с применения для развлечений? Ревел, мне это по душе. Отдых дает положительную энергию. И в игровом бизнесе куча денег крутится.

– Во как! – закричал Ревел, подпрыгивая козликом. – В жмурки!

– Берегись, Ревел!

Качающаяся бахрома медузы величиной с собаку вдруг захлестнула ногу Ревела. Он завопил от неожиданности и споткнулся, пятясь, о пуф.

– Таг, отцепи от меня эту дрянь! – крикнул Ревел, а тем временем толстый жгут желе обернулся вокруг его лодыжки, а вся желатиновая масса зловеще нависла над лицом. Таг в озарении открыл дверь, ведущую на крыльцо.

Желе, подхваченное дуновением воздуха, отпустило Ревела, выплыло в двери и полетело над дощатой верандой.

Так видел, как эта огромная медуза безмятежно опустилась на соседский двор. Самоанцы, занятые пивом и тофу, ее не заметили.

Но Тоатоа, попугай, спикировав с крыши, начал описывать круги вокруг гигантской морской медузы. На миг радужно-зеленая птица зависла вневременной красотой возле прозрачного студня, и тут ее поймала метнувшаяся ротовая рука. Внутри колокола медузы вспыхнуло зеленое трепетание, но попугай клювом и когтями проложил себе путь к свободе. Медуза чуть потеряла высоту, но тут же заделала пробоины и снова начала подниматься. Скоро она превратилась в далекую сверкающую точку в синем небе Калифорнии. Мокрый Тоатоа отчаянно каркал с конька крыши, хлопая крыльями, чтобы их обсушить.

– Вау! – произнес Таг. – Хотел бы я это увидеть снова – на цифровом видео! – Тут он хлопнул себя по лбу ладонью. – Но у нас же ничего не осталось для испытаний! Погоди – есть еще капелька во флаконе. – Он выхватил пузырек из кармана и

посмотрел на него в раздумье. – Можно сюда вложить колокол крошечной медузы-монтерей и вставить нанофоны для отлавливания фононной пульсации. Да, можно даже создать примерную карту бассейнов хаотической аттрактации Уршляйма...

Ревел громко зевнул и с хрустом потянулся:

– Просто захватывающая перспектива, док. Лучше отвези меня в мой мотель, я позвоню на Дитери, и тебе доставят еще Уршляйма завтра, скажем, к шести утра. А через два дня я тебе куда больше могу прислать. Вагон.

Таг снял Ревелу номер в «Лос-Перрос» – захудалом мотеле с домиками сухой штукатурки. Таг сообщил Ревелу, когда его туда отвез, что именно в этом мотеле провели первую брачную ночь Джо Ди Маджио и Мэрилин Монро.

Опасаясь, что у Тага самого есть романтические побуждения, Ревел нахмурился и буркнул:

– Теперь я знаю, почему этот штат называют шоколадным. Из-за любителей шоколадного цеха.

– Расслабься, – сказал Таг. – Я знаю, что ты не гей.

И вообще ты не мой тип. Слишком ты молод. Мне нужен мужик постарше, настоящий мужик, который будет меня лелеять и обо мне заботиться. Мне хочется уткнуться ему в плечо и ощущать в тишине ночи объятие его мощных рук.

Наверное, пиво ударило Тагу в голову. Или так на него подействовал Уршляйм. Как бы там ни было, он эти откровения произносил без смущения.

– До завтра, старик, – сказал Ревел, закрывая за собой дверь.

Он нашел телефон и позвонил Хоссу Дженкинсу, начальнику скважины Дитери:

– Хосс, это я, Ревел Пуллен. Можешь мне прислать с нарочным еще один баллон того студня?

– Ни фига себе студень, Ревел! Он тут вылетает из скважины вот такими шарами! Не надо было тебе туда пускать эти бактерии, расщепляющие гены.

– Я тебе уже говорил, Хосс, это не бактерии, это первичная слизь!

– Тут мало кто с тобой согласен, Ревел. А если это какая-то чума нефтяных скважин? И она начнет расползаться?

– Ближе к делу, Хосс. Кто-нибудь эти воздушные шары видел?

– Пока нет.

– Ладно, ты просто не подпускай людей к нашей территории. А ребятам скажи, чтобы не стеснялись стрелять в воздух – мы на своей земле имеем право.

– Не знаю, сколько времени мы еще сможем сохранить секрет.

– Хосс, нам нужно время попытаться найти способ наварить на этом баксы. Если я смогу подать Уршляйм как надо, народ рад будет видеть, как он прет из Дитери. Строго между нами: я здесь с тем самым типом, который может сообразить, как это сделать. Не то чтобы он вполне нормальный, скорее ни то, ни это. Зовут его Таг Мезолья. И вроде бы мы надыбали что-то крупное. Так что посылай баллон студня на адрес Мезольи. Вот тебе адрес, и вот еще его телефон и мой телефон в мотеле, пока я здесь. И вот что, Хосс: давай сделаем три баллона, того же размера, что ты мне вчера накачивал. Ага. Постарайся их доставить завтра к шести утра. Да, еще начни подбирать маршрут по трубопроводу Пулленов от нашего хранилища в Накогдочесе и до Монтерея.

– Который Монтерей: в Калифорнии или в Мексике?

– В Калифорнии. Удобное место и не на виду. Нам понадобится такое тихое место для следующего этапа, который я задумал. Тут, в Силиконовой долине, слишком много профессиональных носов, сующихся в чужой бизнес, со сканирующими сотовыми телефонами и прочей ерундой.

Наш разговор ты получаешь зашифрованным, Хосс?

– А как же, босс. Поставил чип на максимум шифрования.

– Ну, это я на всякий случай спросил. Стараюсь быть осторожным, Хосс. Как дядя Донни Рей.

Хосс смешливо фыркнул, и Ревел вернулся к теме:

– В общем, нужно место уединенное, но все же удобное. С достаточным количеством помещений, но малость запущенное, чтобы побольше снять квадратных футов подешевле и чтобы отцы города не слишком много задавали ненужных вопросов. Попроси Люси, пусть подыщет мне в Монтерее что-нибудь такое.

– В Техасе таких городов сотни!

– Да, но я хочу это все проделать здесь. Тут, понимаешь, дело касается индустрии программирования, так что надо его делать в Калифорнии.

***

Ревел проснулся около семи, разбуженный ревом утреннего часа пик. Позавтракал он в калифорнийской кофейне, которая называлась «Южная кухня», но подавала булочки с апельсиновой цедрой и ломтики киви с яичницей. За завтраком Ревел позвонил в Техас и выяснил, что его помощница Люси нашла заброшенное нефтехранилище возле бывшей военной базы, загрязнившей местность к северу от Монтерея. Оно принадлежало Феликсу Кинонесу, главному здесь поставщику топлива. В сдаваемую

недвижимость на личной земле Кинонеса включался большой гараж. То есть обстановка почти идеальная.

– Снимай, Люси, – распорядился Ревел, прихлебывая кофе. – И факсом отошли Кинонесу два экземпляра контракта, чтобы мы с ним могли подписать оба прямо у него сегодня же. Меня туда отвезет этот друг, Таг Мезолья, скажем, в два часа дня. Так и забей. Так, а Хосс нашел трубопровод? Нашел? Прямо к резервуарам Кинонеса? Милая, ты прелесть. Да, тут еще одно. Составь учредительные документы на компанию под названием «Ктенофора инк.», зарегистрируй и запатентуй название как товарный знак. По буквам: К-Т-Е-Н-О-Ф-О-Р-А. Что значит? Это такой вид морфодитной медузы. Что? Вставлять ли имя Мезольи в мои учредительные бумаги? Люси, ты смеешься? Хочешь вывести из себя старину Ревела? Так, а теперь закажи мне и Мезолье номер в какой-нибудь гостинице Монтерея и туда мне пришлешь бумаги факсом. Спасибо, лапонька. Ну, пока.

Молниеносная деятельность наполняла Ревела радостью. Оживленно размахивая руками, он зашагал вверх к дому Тага, который находился всего в паре кварталов. Воздух был прозрачен и прохладен, солнце низким ярким диском висело в чистейшем небе. Порхали птички – воробьи, малиновки, колибри и на удивление большие калифорнийские сойки. Вдалеке брехала собака, экзотические цветы и листья покачивались в утреннем ветерке.

Ближе к дому Тага стал слышен неумолчный скрежет самоанского попугая, а свернув за угол, Ревел увидел нечто действительно странное. Будто пространство рябило над домом Тага – колышущийся голубоватый блеск искривленного воздуха.

И посреди этой сверкающей ряби метался яростный Тоатоа. Косяк мелких летучих медуз кружил над домом Тага, то улетая от попугая, то гоняясь за ним, а попугай без всякого успеха их бешено прокалывал. Ревел завопил на облако медуз, но что толку? Можно точно так же вопить на вулкан или на платежную ведомость.

К облегчению Ревела, попугай полетел к дому с поломанным хвостовым пером, а медузы за ним не погнались.

Да, но не уловили ли теперь эти воздушные колокола струю запаха от тела Ревела? Они как-то жутковато собиралась в кружащую по спирали стаю. Ревел поспешил взбежать по ступеням и войти в дом, миновав три баллона Уршляйма, лежащие рядом с дверью.

В доме Тага воняло подземной серой. В воздухе носились медузы всех видов – колокола, пятнистые медузы и даже несколько гигантских сифонофор, всех размеров, и самые

маленькие пульсировали куда быстрее больших. Будто детки на празднике выпустили кучу воздушных шаров.

Заигрался Таг с Уршляймом.

– Эй, Таг! – позвал Ревел, отшвыривая от лица медузу. – Что тут творится? Это не опасно?

Из-за угла появился Таг – в длинном светлом парике, с раскрасневшимися щеками, с ярко накрашенными губами. Синие глаза блестели, и одет он был в прилегающее шелковое платье.

– Праздник медузы, Ревел!

Здоровенная сифонофора, похожая на мохнатую ленту слизи, поплыла, постукиваясь о потолок, к Ревелу, и грива ее или там ротовые руки беззвучно пощелкивали.

– Эй, убери ее!

– Да не волнуйся ты так, – сказал Таг. – И не гони ветер, они от воздушных потоков возбуждаются. Если боишься, давай в мою комнату, а я пока переоденусь во что-нибудь более скромное.

Ревел сел в кресло в углу спальни Тага, и тут же вернулся хозяин в шортах и сандалиях.

– Я так завелся, когда прибыла утром вся эта слизь, что даже принарядился, как на выход, – сознался Таг. – Последние часа два я танцевал со своими уравнениями.

Похоже, для размера медузы нет предела. Медузу из Уршляйма можно сделать величиной со что хочешь!

Ревел неуверенно поскреб щеку:

– А больше ты ничего про них не придумал, Таг? Я тебе еще не говорил, но в Дитери происходит спонтанный вылет воздушных медуз. Ты понимаешь, я ума не приложу, как они могут летать. Ты еще это не сообразил?

– Ну, как ты, я полагаю, знаешь, – начал Таг, подавшись к зеркалу, чтобы снять помаду, – в науке медузы называются coelenterate. Это в переводе с латыни означает «кишечнополостные». Обычная медуза имеет орган, называемый coelenteron, который похож на пустой мешок внутри тела. Причина, что Уршляймовые медузы летают, заключается в том, что Уршляйм как-то наполняет колентероны – можешь себе представить? – гелием! Самым благородным из естественных газов! Обычно он просачивается из шахт или нефтяных скважин!

Таг завопил от восторга, виляя задом, и сдернул с себя парик.

Ревел, разозлившись, вскочил на ноги:

– Таг, я рад, что тебе весело, но веселье – это еще не бизнес. Мы теперь занимаемся торговлей, док, а торговцы говорят, что на пустом грузовике бизнеса не сделаешь. Нам нужны медузы – всех видов, всех размеров. Ты всерьез решил открыть лавочку?

– Ты о чем?

– О построении производства, малыш! Я тут звякнул своему человеку Хоссу Дженкинсу, и мы готовимся начать перекачку Уршляйма по трубе около полудня по нашему времени. Это если ты достаточно мужчина, чтобы управлять делом на этом конце трубы, в Калифорнии.

– Слушай, что за спешка? – возразил Таг, стирая краску с ресниц. – Есть у меня кое-какие расчеты и бизнес-планы для завода, но...

Ревел поморщился и хлопнул по испачканной студнем штанине:

– Где ты был последние пятьдесят лет, Таг? Мы живем в двадцать первом веке. Ты слышал о том, что такое своевременный выпуск изделия? Да в Сингапуре или на Тайване уже бы создали шесть виртуальных корпораций и выбросили бы товар на мировой рынок вчера!

– Я же не могу управлять большим заводом из дому! – защищался Таг, оглядываясь. – Даже лазерные спекатели у меня вроде, ну, одолженные в университете. А нам нужны лазеры, чтобы создавать пластиковых медуз, из которых вырастут потом большие.

– Куплю я тебе лазеры, Таг. Дай мне только номера деталей по каталогу.

– Но... но нужны работники! Люди на телефоне, грузчики... – Таг замолчал на миг. – Хотя, если подумать, на телефонные звонки можно посадить простую имитационную программу Тьюринга. И я знаю, где можно взять промышленных роботов для погрузки-разгрузки.

– Вот теперь ты говоришь по делу! – кивнул Ревел. – Пошли наверх!

– А здание для завода? – крикнул Таг ему вслед. – В моем несчастном домишке нам не развернуться. Нам нужны производственные площади, и бак для хранения Уршляйма рядом со станцией трубопровода. Нужна хорошая связь с Интернетом, свой сайт и...

– И это должно быть где-то поблизости и не на виду у всех, – закончил Ревел, поворачиваясь у конца лестницы и широко ухмыляясь. – Вот такое место я сегодня утром и арендовал!

– Да ты что? И где?

– В Монтерее. Ты меня туда отвезешь. – Ревел оглядел гостиную, рассматривая причудливый узор летающих повсюду медуз. – Только до отъезда, – предупредил он, – лучше закрой дверцу своей печки. Тут уже косячок мелких медуз вылетел в трубу. Они пристают к попугаю твоих соседей.

– Ой! – вскрикнул Таг и захлопнул дверцу. Тут его мазнула

ротовыми руками большая сифонофора. Таг не стал отбиваться, а расслабил руки и начал ритмично горбиться – как медуза. Сифонофора вскоре утратила интерес и поплыла прочь. – Вот так это делается, – объявил Таг. – Просто изображаешь из себя медузу!

– Тебе это проще, чем мне, – отпарировал Ревел, поднимая с пола пластиковую лунообразную медузу. – Давай прихватим пару этих субчиков в Монтерей. Используем их как семена. Можем получить целый бак этих лунообразных, несколько гребешковых, бак жгучих медуз, вот этих больших болванов... – Он показал на сифонофору.

– Без проблем. Повезем всех моих пластиковых малышек и выясним, из каких получаются лучшие Уршляймовые игрушки.

В багажник «аниматы» постелили пластик, загрузили пластиковых медуз в контейнерах с морской водой и отправились в Монтерей.

Всю дорогу по хайвею Ревел болтал по своему сотовому, приводя в движение шестерни и колеса: клиентов семьи Пуллен, поставщиков, рассыльных в Далласе, Хьюстоне, Сан-Антонио – и даже несколько звонков было в Джакарту и Макао.

Нефтехранилище Кинонеса располагалось сразу к северу за Монтереем, прижатое к границам бывшего форта Орд. Армия, пока занимала эти однообразные дюны, так тщательно испоганила почву, что земля официально считалась не подлежащей использованию. Закрыли базу в девяностых годах двадцатого столетия, и с тех пор она служила защищенной свалкой для накопления опасных отходов. Самодеятельным туристам полагалось надевать респираторы и одноразовые пластиковые бахилы.

Таг свернул на ответвление, обходящее свалку. Внутри среди дюн раскинулись широкие поля брюссельской капусты и артишоков, и на одном из них, подобно прилетевшим НЛО, стояли шесть больших серебристых резервуаров.

– Здесь, Таг, – сказал Ревел, убирая сотовый телефон. – Родной дом компании «Ктенофора инкорпорейтед».

Подъехав ближе, компаньоны увидели здоровенные резервуары, исчерканные граффити и испещренные ржавчиной. Среди граффити были совсем психоделические, но в основном попадались ацтекские иероглифы переписок молодежных банд насчет красного и синего, юга и севера, номера 13 и 14 и так далее. Дискутируемые вопросы становились все более абстрактными.

Между резервуарами и дорогой расположилась обширная стоянка с гравийным покрытием, сквозь которое пробивался

чертополох. По одну сторону стоянки находился действительно огромный гараж из стали и бетона, размером с самолетный ангар. На стене ярко-синим, розовым и желтым было написано: «Киноnес моторотив. Макс никс – мы все починим!»

– Здесь паркуйся, Таг, – велел Ревел. – Сейчас появится мистер Киноnес и передаст нам ключи.

– И как ты успел оформить аренду?

– А что я, по-твоему, делал по телефону, док? Пиццу заказывал?

Они вылезли из машины и погрузились в пугающую, внезапную тишину, в ясный калифорнийский воздух. Вдалеке послышались выхлопы мотора, потом они стали ближе. Ревел подошел к ближайшему нефтяному резервуару и стал его рассматривать. Мотор визуализировался в виде обшарпанного многоцветного пикапа, за рулем которого сидел сурового вида пожилой человек с седой головой и пышными усами.

– Привет! – крикнул Таг, тут же на месте влюбившись.

– Добрый день, – ответил мужчина, выходя из пикапа. – Я Феликс Киноnес.

Он протянул руку, и Таг с удовольствием за нее ухватился.

– А я Таг Мезолья, – сказал он. – Я занимаюсь научной частью, а вот этот мой партнер. Ревел Пуллен, занимается бизнесом. Насколько я понимаю, мы снимаем у вас территорию?

– Мне тоже так кажется, – произнес Киноnес, скаля крепкие зубы в ослепительной улыбке.

Он выпустил руку Тага и посмотрел на него задумчиво.

Двусмысленно. Может быть, Тагу есть на что надеяться?

Тут подошел Ревел:

– Киноnес? Я Ревел Пуллен, здравствуйте. Вы привезли контракт, который вам прислала Люси? Муй буэно, друг мой. Давайте подпишем на капоте вашей машины – как в Техасе!

По завершении церемонии Киноnес протянул ключи:

– Вот этот от гаража, этот от замка на вентиле трубопровода, а эти для запоров резервуаров. Пришлось запереть, чтобы детишки не лазили.

– По рисункам видно, что они вас доставали, – сказал Ревел, рассматривая разрисованные нефтяные танки. – Но больше меня беспокоит ржавчина. Коррозия.

– Эти резервуары уже много лет не используются и стоят пустые, – заверил Киноnес. – Но ведь вы не собираетесь их заполнять? Я объяснил вашей помощнице, что лицензия на работу с опасными веществами была отозвана в тот день, когда закрылась база форта Орд.

– Я именно что собираюсь их заполнять, – ответил Ревел, – а

иначе за каким бы чертом я стал их снимать? Но материал не будет опасным.

– Свекольным сахаром занимаетесь? – поинтересовался Киноне с.

– Ладно, Феликс, какая вам разница, что я туда залью? Лучше покажите мне, где здесь что, чтобы я не запутался в ваших трубопроводах и вентилях. – Он протянул Тагу ключ от гаража со словами: – А ты, док, осмотри здание, пока Феликс мне покажет свою систему.

– Спасибо, Ревел. Только, Феликс, пока вы с ним не ушли, покажите мне, как работает замок гаража. Не хотелось бы мне случайно включить сигнал тревоги.

Ревел с неодобрением смотрел, как Таг идет с Феликсом к гаражу, не умолкая ни на секунду.

– Вы, наверное, очень успешный бизнесмен, Феликс, – щебетал Таг, пока Киноне с с лицом, похожим на дубленую кожу, возился с ржавым замком. В поисках темы разговора он посмотрел на вылинявшую вывеску. – «Моторотив» – отличное слово.

– Один метис придумал, который у меня работал, – благодушно бросил Киноне с. – А вот ты знаешь, что значит «Макс никс – мы все починим»?

– Честно говоря, нет.

– Мой старик был в шестидесятых в армии, стоял в Германии. Конечно, в моторизованном дивизионе, и это у них девиз был такой. «Макс никс» – это по-немецки вроде «чепуха, не бери в голову».

– А как будет «макс никс» по-испански? – спросил Таг. – Я без ума от испанского языка.

– No problema, – усмехнулся Феликс.

Таг чувствовал, что между ними образовался приятный резонанс. Замок гаража со скрежетом открылся, и Феликс распахнул дверь, пропуская Тага внутрь.

– Свет здесь, – сообщил Феликс, хлопнув по линейке выключателей.

Пустой гараж был похож на огромный сарай для слонов – тридцать ремонтных боксов с каждой стороны, подобно стойлам, и в каждый мог бы въехать большой зеленый армейский грузовик.

– Эй, Киноне с! – донесся голос Ревела. – Мы что, весь день собираемся возиться?

– Огромное спасибо, Феликс, – сказал Таг, протягивая руку мужественному красавцу для очередного рукопожатия. – Я был бы счастлив снова с тобой увидеться.

– Может, так и будет, – тихо ответил Феликс. – Я не женат.

– Как хорошо! – выдохнул Таг.

Их взгляды встретились. No problema.

В тот же день Таг и Ревел остановились в номере на втором этаже прибрежного мотеля в Монтерее. Таг вылил в гостиничные ведра для льда своих медуз из багажника.

Ревел снова переключился в режим страшно делового человека с сотовым телефоном, требования его становились все неожиданнее и грандиознее с каждым пропущенным стаканчиком «Джентльмена Джека».

В три часа ночи Таг свалился на кровать, и последнее, что он помнил, был скрип белого порошка Ревела на стекле гостиничного столика. Он хотел, чтобы ему приснились объятия Феликса Кинонеса, но вместо этого он опять увидел сон об отладке алгоритмов медуз. И проснулся в тяжелейшем похмелье.

***

Какое бы вещество ни вдыхал Ревел – а очень вряд ли это было что-то столь банальное, как обычный кокаин, – наутро на нем это никак видимо не сказалось. Он заказал в номер весьма плотный завтрак.

Пока Ревел щедро вознаграждал рассыльного и наливал калифорнийское шампанское в стаканы для апельсинового сока, Таг вылез на балкон. Воздух Монтерея был пропитан вонью гниющих водорослей. Огромные белоснежные чайки парили и кружились в восходящих потоках у стен мотеля. Вдали, на севере, цепочка калифорнийских тюленей растянулась на скалистой гряде, как коричневые слизняки на изломанном бетоне. К югу тянулась Кэннери-Роу – улица заглохших консервных заводов. Некоторые из них переоборудовали под лавочки и дискотеки для туристов, другие стояли пустые, почти развалившиеся.

Таг вдыхал морской воздух, пока сжимавший виски обруч не ослаб. Мир был ярок, хаотичен и прекрасен. Таг вернулся в комнату, заглотил стакан шампанского и три раза набрал яичницы на вилку.

– Ну, Ревел, – сказал он наконец, – я должен признать, что ты молодец. «Кинонес моторотив» – идеальное место во всех отношениях.

– Так я на Монтерей положил глаз, еще когда мы впервые встретились на симпозиуме ГСИППВ, – сознался Ревел, закидывая ногу на стол. – Сразу прикипел к этому месту. Этот город в моем стиле. – Скрестив на тощей груди руки в тонких перчатках душителя, молодой нефтяник выглядел так, будто был в мире с

собой, почти в философском настроении. – Ты читал Джона Стейнбека, Таг?

– Стейнбека?

– Ага, романист двадцатого века. Нобелевский лауреат.

– Я никогда не сказал бы, что ты читаешь романы, Ревел.

– На Стейнбека я набрел, когда впервые попал в Монтерей. И я его большой фан с тех пор. Великий писатель.

Он написал серию книг именно здесь, на Кэннери-Роу. Ты не читал? Она о тех пьяницах и шлюхах, что жили здесь вокруг на холмах, – интересный, скажу я тебе, народ, а герой там – тот мужик, который у них вроде наставника.

Он ихтиолог и делает подпольные аборты, но не ради денег, а просто потому, что дело происходит в сороковых годах прошлого века, а он сам здорово любит секс. Аборты он делает, потому что ему образование позволяет. Понимаешь, Таг, в те времена Кэннери-Роу действительно чертову уйму рыбы консервировала! Сардину. Но сардина исчезла к пятидесятому году. Какая-то экологическая катастрофа, и сардина ушла и не вернулась до сих пор. – Ревел засмеялся. – И ты знаешь, что теперь в этом городе продают?

Стейнбека.

– Да, знаю, – ответил Таг. – Это у них называется постмодернистско-культурно-музейно-туристская экономика.

– Ага. Теперь на Кэннери-Роу по банкам раскладывают Стейнбека. Романы Стейнбека, и ленты с дерьмовыми экранизациями, и пивные дружки с мордой Стейнбека, и цепочка для ключей со Стейнбеком, и наклейки со Стейнбеком на бампер, а из-под прилавка – надувные любовные куклы Стейнбека, и надувной автор «Гроздьев гнева» может быть подвергнут любым неназываемым посмертным извращениям.

– Насчет кукол ты шутишь?

– А вот черта с два. Я думаю, нам надо купить одну такую, надуть и бросить в кулер с Уршляймом. И получится большой Стейнбек из студня, сечешь? Может, даже говорить будет! Скажем, нобелевскую речь произнесет. Только если ты попробуешь пожать ему руку, она отвалится, слизистая, и поплывет по комнате, пока не наткнется на бумагу. И тут же начнет сиквелы писать.

– Слушай, Ревел, какую ты дрянь нюхал вчера?

– Куча цифр и букв, старик. Похоже, что их меняют каждый раз, когда я это покупаю.

Таг застонал, как от физической боли.

– То есть ты так забалдел, что даже не можешь вспомнить?

Ревел, выдернутый из мечтательных размышлений,

нахмурился.

– Не делай из меня неандертальца, Таг. Эта штука – последнее слово рынка. И ты бы не так изумился, если бы случилось тебе побывать в совещательных комнатах компаний из списка «Форчун-500». Разумные наркотики! – Ревел закашлялся и засмеялся снова. – Самое тут крутое, что если они хоть слегка на тебя действуют, ты просто обязан их принимать, иначе твой японский директор просто вышибет тебя на улицу!

– Не пора ли глотнуть свежего воздуху, Ревел?

– В самую точку, омбре. Надо устроиться как следует в хранилище Кинонеса – на нас движется Ниагара Уршляйма. – Ревел глянул на часы. – Точнее говоря, она покатится через два часа. Так что поехали и будем смотреть, как заполняются резервуары.

– А если какой-нибудь из них лопнет?

– Тогда мы его больше использовать не будем.

Когда Таг и Ревел подъехали к «Кинонес моторотив», их ждали контейнеры с только что доставленным оборудованием. Таг завелся, как ребенок в рождественское утро.

– Смотри, Ревел, вот эти два ящика – промышленные роботы, этот вот – суперкомпьютер, а этот – устройство для лазерного спекания.

– Ага, – отозвался Ревел. – А вот барабан с теми пьезопластиковыми головками, а это набор титанопластовых пластин для баков с твоими медузами. Начинай все это запускать, док, а я еще раз проверю вентили.

Первыми Таг распаковал роботов. Они были построены в виде приземистых гуманоидов, и к каждому был приложен интерфейс телеуправления, похожий на шлем виртуальной реальности. Надо было надеть шлем и смотреть глазами робота, тем временем проговаривая задание, которое он должен исполнить. В данном случае задание состояло в построении бака для медуз путем выстилания ям гаража титанопластиком – и заполнения их водой.

Конечно, управление у роботов оказалось хитрее, чем рассчитывал Таг, но через час один уже пошел выполнять задачу, как «Ученик чародея». Тогда Таг включил второго робота и с его помощью принес и установил новый компьютер и сборочный лазерный аппарат для спекания. Потом загрузил программу из первого робота во второго, и этот второй тоже пошел превращать гаражные ямы в аквариумы.

Таг настроил новый компьютер и удаленно вошел на свою рабочую станцию в Лос-Перросе. Через десять минут он вытащил копии всех необходимых программ, и призрачные медузы замелькали на экране нового компьютера. Таг вышел посмотреть

на роботов. Они уже сделали пять аквариумов, и в ямы хлестала вода из отводов, которые расторопные роботы успели отвести от водопровода «Кинонес моторотив».

Таг открыл багажник своей машины и начал вынимать искусственных медуз и запускать их в новые аквариумы.

Тем временем Ревел обходил большие резервуары, ползал по ним, как голодная муха по свежему мясу. Заметив Тага, он издал приветственный вопль и помахал рукой с крыши резервуара.

– Скоро придет слизь! – заорал Ревел.

Таг помахал в ответ и вернулся к компьютеру.

Проверив почту, Таг увидел, что пришла наконец монография о кишечнополостных, касающаяся того вида ктенофор, который ему больше всего хотелось воспроизвести: корсет Венеры, или cestus veneris, – гребешковая медуза из Средиземного моря, похожая на широкий конический ремень, покрытый ресничками. Корсет Венеры был настоящей ктенофорой, и процеживающие воду реснички рассеивали солнечный свет, создавая дивные радуги. Забавно было бы надеть такой пояс к парадному платью. Компания «Ктенофора» сможет выпускать не только игрушки, но и модные аксессуары! Улыбаясь этой мысли, Таг начал переносить данные из монографии в программу проектировки.

Рев Уршляйма, текущего по трубопроводу, напоминал шум поезда подземки. Приняв его сначала за землетрясение, Таг выскочил наружу и столкнулся с сияющим Ревелом.

– Вот она плывет, напарник!

Ближайший резервуар гулко грохнул и затрясся, когда в него хлынула слизь.

– Пока что все в порядке! – заметил Ревел.

Второй и третий резервуары тоже заполнились без происшествий, но на четвертом при заполнении стал открываться длинный вертикальный шов. Носящийся вокруг как нажравшийся денатурата работяга, Ревел дернул вентили и направил поток Уршляйма из резервуара четыре в резервуары пять и шесть, которые аккуратно приняли весь остаток.

Когда рев и грохот доставки затихли, металл резервуара номер четыре издал предсмертный вопль и развалился сверху донизу. Стенки развернулись, падая наружу, отрываясь от тяжелой верхней крышки, а она пролетела двадцать ярдов вперед как игрушечная летающая тарелка.

На сухую, заросшую сорняками почву хранилища выплеснулся акр с лишним слизи. Тысячи галлонов блестящего Уршляйма взгромоздились прозрачным крахмальным пудингом.

Таг бросился в сторону разлития, опасаясь за Ревела.

Но нет. Ревел вот он, стоит рядом в безопасности, как

торжествующий таракан.

– Эй, Таг! – крикнул он. – Иди-ка посмотри!

Таг продолжал бежать, и Ревел поймал его у края разлива Уршляйма.

– Точно как разлив возле Дитери! – воскликнул Ревел – Но ты увидишь, пролить Уршляйм на землю – это ерунда. Готов ты начать выполнять заказы, Таг?

Голос его звучал быстро и пискляво, как у какого-нибудь неуязвимого персонажа из мультфильма.

– А эта штука теплая, – сказал Таг и наклонился пощупать огромный, до колен толщиной, пирог из Уршляйма.

И у него тоже голос стал высоким и писклявым. Кое-где в толще слизи образовывались крупные пузыри газа и лопались на поверхности, как в дрожжевом тесте. Только этот газ был гелием, вот почему голоса такие писклявые. И...

– Я только что понял, как Уршляйм делает гелий! – пискнул Таг. – Холодный синтез! Побежали быстрее в гараж, Ревел, и выясним, не подцепили ли мы лучевую болезнь. Быстрее, я не шучу!

В гараже они долго пытались отдышаться.

– При чем тут лучевая болезнь? – задыхаясь, произнес наконец Ревел.

– Я думаю, что твой Уршляйм сливает атомы водорода и получает гелий, – сказал Таг. – В зависимости от деталей процесса это может привести к чему угодно – от слабого разогрева вещества до гибели всего населения графства.

– Ну, возле Дитери пока еще никто не погиб, – фыркнул Ревел. – И я вспоминаю, что один мой техник проверил первую партию счетчиком Гейгера. Активности нет, Таг, откуда бы ей взяться? Мы же собирались из этого игрушки делать?

– Игрушки? У тебя уже есть заказы?

– Есть один друг, у которого сеть магазинчиков в графстве Орандж, и он хочет десять тысяч медуз на продажу в качестве плавающих игрушек. Всех размеров и форм. Я ему сказал, что пошлю по трубопроводу в его склад завтра рано утром. Он взял наше объявление из завтрашних газет.

– О небо! – воскликнул Таг. – И как мы это устроим?

– Я так понял, что тебе нужен только Уршляйм по ведру за раз и макнуть туда твою медузу. Эти ур-сопли сразу ухватят всю твою математику и начнут вести себя как медуза. Продаем слизистых медуз, а пластиковых сохраняем на семена снова и снова.

– И это к завтрашнему утру мы должны сделать десять тысяч раз?

– А ты научи этой работе твоих чертовых роботов!

И как раз тут показался на своем пикапе Феликс Кинонес, желая выяснить, что пролилось из резервуара номер четыре. Ревел на него бурчал, пока тот не уехал, но Таг успел назначить с ним на вечер свидание.

– Черт побери, Таг! – возмутился Ревел. – За каким дьяволом тебе понадобилось ужинать с этим стариком? От всей души надеюсь, что это не...

– Послушай, – пропел Таг. – Любовь, что имя свое не смеет произнести! Может, мне стоит на этот раз изготовить пояс Венеры. Все там языки проглотят, как такое увидят.

Пояс Венеры – это такая ктенофора из Средиземного моря.

Если я смогу сделать что-то хоть похожее на настоящее, то их мы продадим двадцать тысяч твоему другу из Оранджа.

Ревел угрюмо кивнул:

– Пошли тогда в этот гараж, и вперед за работу, мальчик.

Они попытались заставить роботов помогать изготавливать медуз, но машины оказались слишком медленными и неуклюжими. Пришлось Тагу и Ревелу делать медуз самим – зачерпывать Уршляйм, оживлять его волшебным прикосновением пластиковой медузы и закидывать готовую медузу в аквариум. Сверху аквариумы пришлось закрыть сетками, чтобы медузы не разлетелись. Вскоре сетки стали выпирать наверх под напором кишечнополостных.

Когда наступило время ужина, Таг, к неудовольствию Ревела, извинился, что должен уходить на свидание с Феликсом Кинонесом.

– А я вот буду работать! – орал Ревел. – К бизнесу относиться надо серьезно, Таг!

– Я тебя сменю после полуночи.

– Ладно! – Ревел вытащил пакет белого порошка и щедро его вдохнул. – Я всю ночь могу проработать, корова ты ленивая!

– Не переработай, Ревел. Если сегодня не закончим с этими медузами, можем начать с утра пораньше. Сколько их у нас сейчас?

– Я насчитал где-то тысячи три, – ответил Ревел. – Чертовски тормозные эти роботы.

– Ладно, я заеду потом отвезти тебя в гостиницу. Ты ничего сумасшедшего только не учуди, пока меня не будет.

– Псих из нас двоих ты, Таг!

Ужин с Феликсом Кинонесом прошел очень удачно, хотя Таг и не успел сделать себе пояс Венеры. После еды поехали к Феликсу домой и там познакомились поближе. Удовлетворенный Таг провалился в сон, и когда он вернулся в нефтехранилище к

Ревелу, уже намечался рассвет.

С юга тянуло холодным ветерком, и бледнеющая луна низко повисла на западе над морем, клочья тумана плыли, к северу по ее диску. Огромные резервуары, полные Уршляйма, потрескивали и дрожали. Таг открыл дверь гаража и увидел, что внутри полно Уршляймовых медуз. Свалившись в углу от усталости, скалился довольный Ревел. Из пяти импровизированных труб рядом с ним потоком лились свежайшие Уршляймовые медузы, как мыльные пузыри из волшебной трубки. То и дело какой-нибудь пузырь так раздувался, что не мог вылететь, и тогда один из двух роботов выходил вперед и его выдергивал.

– Хватит, Таг, как ты думаешь? – спросил Ревел. – А то я со счета сбился.

Таг быстро оценил объем гаража, поделил на объем воздушной медузы и принял цифру в двести тысяч.

– Да, Ревел, я уверен, что их более чем хватит. Прекрати процесс. А как ты обошел необходимость макать в слизь пластиковую медузу?

– Головой работать надо, – наставительно сказал Ревел, засовывая в нос очередную понюшку белого порошка. – Как свидание?

– Отлично, – отозвался Таг, протискиваясь мимо Ревела, чтобы закрыть вентили пяти труб. – Может, даже что-то получится более серьезное. Слава богу, что гараж не деревянный, а то бы эти медузы сорвали крышу. И как ты собираешься их гнать по трубопроводу в графство Орандж?

– Роботы мне соорудили коллектор вон там, – показал Ревел на далекий потолок. – Ты думаешь, их пора отправлять? Можно!

Ревел перебросил большой выключатель, который роботы вделали в стену. Заработал мощный насос.

– Это хорошо, Ревел, давай гнать отсюда медуз. Но ты мне все еще не рассказал, как они у тебя пошли готовыми, без обмакивания пластиковой медузы. Как ты это сделал?

– А ну тебя! Я по твоей физиономии вижу, что ты уже знаешь ответ! – ощетинился Ревел. – Хочешь услышать?

Ладно. Я пошел и сунул в каждый резервуар по одной из твоих драгоценных медуз. То же самое, что в Дитери. Как только весь резервуар получает твою придурочную математику, вылетающие куски естественно складываются в медуз. В резервуаре номер один у нас жгучие медузы, лунообразные – в резервуаре номер два, эти пятнистые – в третьем, колокольные – в пятом, а ктенофоры – в шестом.

Гребешковые медузы... Резервуар номер четыре, как ты помнишь, лопнул.

– Лопнул, – тихо сказал Таг. Скрежет металла снаружи перекрывал шум ветра и щелчки насоса, засасывавшего медузы из гаража в трубу, ведущую в графство Орандж. – Лопнул.

С поля, где стояли резервуары, донесся мощный грохот.

Таг помог потерявшему ориентировку Ревелу вылезти на дорожку перед гаражом. Резервуара номер шесть не было, и веретенообразная гребешковая медуза размером с дирижабль прыгала по склону артишоковой плантации к северу от хранилища. Огромная, живая форма, блестящая в косом лунном свете. Прозрачная плоть светилась от холодного термоядерного синтеза.

– И остальные резервуары тоже полопаются, Ревел, – тихо сказал Таг. – По одному. От гелия.

– А красиво будут смотреться эти гигантские медузы, когда солнце взойдет, – сказал Ревел, щурясь, чтобы разглядеть часы. – Отличная реклама для компании «Ктенофора». Я тебе говорил, что уже послал документы на регистрацию?

– Нет, – ответил Таг. – Разве там не нужна моя подпись?

– А зачем, старик? – удивился Ревел. – Уршляйм мой, и компания тоже моя. Ты у меня будешь на зарплате, как главный научный специалист!

– Черт побери, Ревел, ты меня за фраера держишь? Я хотел акции, и ты это знаешь!

Сзади подбрела темная фигура и стальной лапой похлопала Ревела по плечу. Промышленный робот принес ему сотовый телефон.

– Вам звонят, мистер Пуллен, из графства Орандж. Вы отложили телефон, когда поглощали наркотическое вещество.

– Занят, занят! – отмахнулся Ревел. – Хотят, наверное, перевести плату за нашу поставку. Таг, дружище, бизнес есть бизнес. И чтобы не было неприятных чувств, я тебе твою годовую зарплату выплачу авансом! Завтра же.

Ревел протянул руку за телефоном, и тут очередной здоровенный металлический резервуар лопнул, выпустив гигантскую грибообразную пятнистую медузу. На фоне бледнеющего востока это было невероятное зрелище. Ветер погнал вибрирующую громадину к северу, а огромные щетинистые щупальца цеплялись упрямо за землю. Тагу на миг пожелалось, чтобы Ревел вопил не в телефон, а зажатый в щупальцах медузы.

– Потеряли? – заверещал Ревел. – Что значит – потеряли? Мы вам их отправили, и вы нам бабки должны. Крышу склада сорвало? А я здесь при чем? Да, мы послали немного сверх заказа. Да, двадцать к одному. Мы решили, что у вас большой

спрос. Так что, поэтому мы виноваты? Да поцелуйте вы меня – знаете куда?

Он резко захлопнул телефон и нахмурился.

– Так все медузы в графстве Орандж улетели? – спокойно спросил Таг. – Кажется, Ревел, это не на пользу компании «Ктенофора», как ты думаешь? Тяжеловато тебе будет управлять ею в одиночку.

Тут с ревом лопнул резервуар номер три, как разбитое изнутри яйцо, и лунообразная медуза размером с ледяной каток вылетела на свободу, вспыхнув в первых лучах солнца. Вдали завыли сирены.

Один за другим полопались два оставшихся резервуара, выпустив колокольчатую медузу и огромную жгучую медузу. Дуновением утреннего ветерка жгучую медузу поднесло к Тагу и Ревелу. Техасец, вместо того чтобы отпрянуть, бросился на нее с бешеным ревом.

Таг всего на миг промедлил, глядя на Ревела, а огромная медуза хлестнула двумя повисшими ротовыми руками и ухватила их обоих. Чуть сильнее раздув здоровенное нутро, тварь поднялась на несколько сотен футов и поплыла вдоль шоссе номер один в сторону Сан-Франциско.

Раскачиваясь и цепляясь, Таг и Ревел сумели найти что-то вроде насеста в переплетенных щупальцах под зонтом колокола. От физических усилий и утренней свежести у Ревела вроде бы прояснилось в голове.

– Повезло нам, что они не жалят, правда, док? Должен отдать тебе справедливость. Как, ничего себе поездочка?

Лучи утреннего солнца играли и переливались в прозрачных тканях наполненной гелием медузы.

– Интересно, не получится ли ею управлять? – спросил Таг, шаря в свисающей бахроме медузы. – Классно было бы вот так спланировать на лужайку Грисси-Филд возле самого моста Золотых Ворот.

– Уж если кто и может ею править, Таг, то это ты.

Вспомнив все, что знал о хаотической аттракции медузы, Таг действительно смог подрегулировать пульсации огромного колокола так, что медуза повисла над огромным газоном Грисси-Филд у входа в залив Сан-Франциско, сперва пролетев низко-низко над холмистыми улицами города.

Снизу собирались тысячные толпы, махая приветственно руками.

Таг и Ревел спускались на медузе все ниже и ниже, а вокруг жужжала стая телевизионных вертолетов. Предвидя потоп заказов на продукцию «Ктенофоры», Ревел позвонил Дженкинсу

справиться о запасах Уршляйма.

– У нас этого студня больше, чем нефти, Ревел! – заорал Хосс. – Он прет из всех наших скважин и вообще из всех скважин по всему Техасу. Оказывается, ничего примитивного в твоей слизи и нет, это просто смесь тех генораскалывающих бактерий, о которых я тебе всю дорогу твердил. Эти вредители повылетали из воздушных медуз и сожрали всю нефть, до которой могли дотянуться!

– Ладно, продолжай качать студень! У нас тут глобальный рынок! Слышь, Хосс, мы нашли холодный термоядерный синтез! И это еще только полдела!

– Очень надеюсь, что ты прав, Ревел! Потому что похоже на то, что весь нефтяной бизнес в Техасе улетел с воздушными медузами. Дядя Донни Рей много о чем хочет тебя спросить, Ревел! Надеюсь, у тебя найдутся ответы.

– И еще какие! – рявкнул Ревел. – Я всю жизнь ждал подобного шанса! Мы со стариной Тагом – пионеры коренной постиндустриальной революции, а кому не нравится, может вставать в очередь на биржу труда вместе этими дубарями из Ай-Би-Эм!

Ревел защелкнул телефон.

– И что он тебе сказал, Ревел? – спросил Таг.

– Вся техасская нефть превратилась в Уршляйм, – ответил Ревел. – И только мы знаем, что с ним делать. Давай посадим эту штуку и начнем заниматься делом.

Огромная медуза тяжело повисла, рябя под ветром от суетливых вертолетов. Таг не пошевелился.

– Никаких «мы», пока ты продолжаешь пороть свою фигню насчет зарплаты, – сказал он со злостью. – Если ты хочешь, чтобы я влез в твою авантюру и тоже рисковал, то делиться будем пятьдесят на пятьдесят. Я хочу быть полноправным совладельцем и членом совета директоров! Все пополам!

– Я подумаю, – уклончиво ответил Ревел.

– Так думай быстрее. – Таг посмотрел вниз, на толпу. – Посмотри вон на них. Ты же на самом деле ни черта не знаешь, как мы сюда попали и что тут делаем. И что ты им скажешь? Здесь, на воздушном шаре, все хорошо, но вечно нам тут не просидеть. Раньше или позже придется спуститься на землю и посмотреть в глаза людям.

Он потянулся к щупальцам гигантской медузы, подергал.

И снова опаленная солнцем земля пошла вверх. Пестрые вертолеты внизу брызнули в стороны в фирменной сан-францисской смеси чувств – ужаса и восторга.

– И что ты скажешь людям, когда я опущу нас на землю? –

требовательно спросил Таг.

– Я? – удивленно отозвался Ревел. – Ты же у нас ведущий ученый! И тебе полагается объясняться. Скорми им сколько-нибудь математики. Уравнения хаоса, прочая ерунда. Не важно, что они не поймут. «Плохой рекламы не бывает», Таг. Так говорил П. Т. Барнум.

– П. Т. Барнум не занимался искусственной жизнью, Ревел.

– Еще как занимался, – возразил Ревел, пока гигантская медуза опускалась на землю. – Ладно, черт с ним, если ты останешься со мной и возьмешь на себя разговоры, я тебя беру в долю. Пятьдесят на пятьдесят.

Таг и Ревел спрыгнули с медузы и стали пожимать руки под огнем фотовспышек.